

ПЛАТОН БЕСЕДИН

КРЫМ: ОТ РУССКОЙ ИДЕИ К РУССКОЙ МЕЧТЕ

I

Мы так должным образом и не ответили на вопрос, почему Севастополь и Крым столь единодушно поддержали Россию в марте 2014 года. Так и не осознали колоссальный масштаб перемен, исторических, цивилизационных. Так до сих пор и не разобрались в событиях, изменивших прежде мироустройство. Да, мы в должной мере не поняли, что всё-таки произошло Крымской весной. И оттого не сделали деятельных, побуждающих выводов как связующих мостов в будущее. Сказано много красивых, эффектных слов, но понимания, выкристаллизованного, ясного, нет. Это можно назвать пассионарным взрывом или волей быть частью России, можно свести до инстинктивного стремления к безопасности и материальным благам, но поступить так значит оставить без внимания нечто важное.

К сожалению, отчасти так уже происходит. Понимание истинных причин, управляющих механизмов, роли Крыма в истории сегодня не корректирует дальнейшие действия на полуострове и на “материке”, в России, лишая их эталонного образа, логики, заставляя либо топтаться на месте, либо вязнуть в прошлом. Деструктивные факторы, добавившиеся или не изжитые, а в некоторых аспектах усилившиеся в новом российском Крыму, свидетельствуют о том, что ни Россия, ни полуостров не осознали масштаб свершившихся перемен, открывшихся возможностей, не подключились к могучим энергетическим потокам, высвобожденным в результате Крымской весны.

Между тем, именно эти источники способны питать не только сам регион, но и всю страну. Источники, которые бьют, kloкочут, но не находят вектора, рассеиваясь в неоднородном пространстве. Или, хуже того, становятся разрушительными силами несправедливости, обогащения, лжи. Сегодня, спустя два с половиной года после триумфа Крымской весны, мы, россияне, русские, стоим перед фундаментальным выбором: либо остаться в рабской константе однополярного мира, превратив своё главное достижение в обузу, либо направить энергию на эпохальную стройку будущей великой державы.

Тот, кто весной 2014 года был в Крыму, уже никогда не сможет забыть атмосферу торжества Правды как истины и справедливости на полуострове. Ведь именно защита Правды стала краеугольным камнем бескровного воссоедине-

ния Крыма с Россией. Там произошёл решающий для нашего Исторического Отечества цивилизационный переход — от русской идеи к Русской мечте.

II

Если бы не случилось Евромайдана, то Крым не воссоединился бы с Россией. Данное мнение и правда не лишено смысла. Евромайдан, действительно, стал катализатором, критическим фактором. При этом он лишь ускорил необратимый исторический процесс. Слишком много противоречий образовалось у Крыма и особенно Севастополя с Украиной. С той Украиной, которую планомерно инфернализировали по заказу и безрассудству.

Хотя она, хлебосольная, щедрая, вошла в долгожданную, выстраданную независимость с перспективой одного из самых развитых государств в Европе. Военный, научно-технический, промышленный потенциал — всё это было на высоком уровне. А ещё самая большая после России территория в Европе, и 52 миллиона человек, и плодородная земля, и идеальное географическое положение.

Но всё это растворилось в кровавой пене проклятых дней. Исчезло. Осыпалось. У нас отняли Украину. Забрали и растоптали на площадях. Расстреляли из “Градов”. Продали на Уолл-стрит. Расписали в Кремле. Нет Украины. Вместо неё сварганили суррогат, где не оставили подлинно своего — украинского.

Так произошло в том числе потому, что люди, ещё недавно славившие коммунистическую идеологию, по заказу со стороны и личным меркантильным мотивам решили заняться так называемым нац-building’ом. Украинцев разделили на правильных и неправильных, провозгласив лишь одно мнение, одно настроение, один взгляд. Всё остальное стало от лукавого, читай от Кремля.

Новый курс на правах первого президента озвучил Леонид Макарович Кравчук, в детстве носивший продукты “лесным братьям”. В советское время он отвечал за идеологию УССР, в том числе борясь с так называемым “украинским буржуазным национализмом”. Однако переворочение Кравчука из красного слуги в национального лидера случилось быстро. Именно при Леониде Макаровиче стартовало возрождение украинского национализма, хотя фактически оно началось ещё в середине 50-х годов XX века, когда амнистировали многих деятелей ОУН-УПА, а дальше чиновники и писатели создали “РУХ”, задавшись вопросом: “Хто з’їв моє м’ясо?” Затем Леонид Кучма — сам, правда, умевший маневрировать между Кремлём и Западом, этот мастер игры в политические карты — сформулировал национальную идею в знаменитой фразе: “Украина — не Россия”. Присвоение звания героя Украины Степану Бандере стало разделительной чертой, после которой прежняя страна была уже невозможна; она раздробилась, утратив целостность, прежде всего ментально. Так осуществили катастрофический, летальный раздел Русской (Православной) цивилизации. Теоретические основания для него были разработаны ещё в первой половине XIX века, а в конце века XX на его необходимости настаивали главные американские геополитики.

На украинском сепаратизме паразитировали многие из тех, кто приходил на Дикое поле: от поляков и литовцев до австро-венгров и немецких фашистов. И вариант с национальной идеологией, безусловно, напрашивался. Он стал, что называется, “ответкой” разжавшейся пружины. Украина прошла череду зависимостей, влияний. Всё украинское зачастую либо подавлялось, либо искоренялось. С обретением же независимости в 1991 году Украина наконец получила шанс стать действительно украинской. Но свой шанс она не использовала, оказавшись жертвой на дороге шароварного национализма. Дороге прямой, но дороге назад. В ад гражданской войны и противоречий. Никто не поручился, что украинское послезавтра не будет хуже украинского позавчера.

Да, для Евромайдана хватало объективных и субъективных причин. Слишком много в стране накопилось проблем. И главной из них стала непомерная жадность “семьи Януковича”. У тех украинцев, кто поднялся чуть выше среднего, отжимали и отбирали всё. За бесценок. Отбирали зачастую с жизнью. Сам Виктор Фёдорович стал символом глупости и коррупции, трусости и жадности. Над ним смеялись и его ненавидели. И у него не было ни единого шанса удержаться на президентском посту. Он, похоже, просто не

был рождён для этой работы. Но очень хотел быть там, наверху, играть роль царя, хотя не справился бы и с функциями колхозного председателя.

Один высокопоставленный украинский чиновник рассказал мне, что Евромайдан случился из-за сынков высокопоставленных украинцев. И это во многом действительно так. Когда в кабинет, например, генерального прокурора Киева заходил сын Пшёнки, вышибая ногой дверь и матом строя того перед подчинёнными. Сынки власть имущих откровенно издевались над Украиной, ставили её в те позы, какие рисовались в их извращённых деньгами и вседозволенностью фантазиях. О сынах же Януковича, их непомерной, поистине балаамовой жадности, вообще ходили легенды, отдававшие чёрной желчью. Бездарный в своей беспомощности и жестокости разгон Евромайдана в кровавую ночь с 29 на 30 ноября окончательно настроил украинцев против действующей, но уже приговорённой власти. Вышли и те, кто раньше желал сохранить нейтралитет.

Но когда Евромайдан инфицировал вирус национализма, русофобии, “революция достоинства”, объединившая по большей части искренних, жаждавших правды людей, превратилась в удавку на шее великой страны. Люди, которые хотели жить лучше, стали жить хуже. А сам Евромайдан оказался гигантским психологическим экспериментом по превращению хороших людей в злодеев. Они стали жертвами эффекта Люцифера. “Мирный протест” трансформировался в призыв, а после и в действие “жечь, убивать тех, кто мешает революции”. Интеллигентные люди, мутировав, стали убийцами. Caritas проиграл cupiditas, и участники битвы, как бесы, оказались повязаны кровью жертв, принесённых богам ненависти, алчности и разрушения.

III

Из Крыма это смотрелось особенно дико. А нападки, крики: “Эй, рабы! Чего молчите? Чего не выходите? А ну валите в свою Россию!” – провоцировали ещё больше. В итоге их адресаты вышли. Тысячи и сотни тысяч. Чтобы выразить своё мнение, чтобы идентифицировать себя. Потому что слишком долго, усердно издевались над их культурой, историей, языком. Слишком нагло, безответственно вели себя по отношению к ним, к русским украинцам и украинским русским.

Ведь многие люди в Крыму и на Востоке, да и по всей Украине тоже, не просили о революции. Они хотели рожать детей, зарабатывать деньги, возделывать огороды. Им не нужны были дымящие шины, убитые люди, горящие автобусы и разобранная брусчатка. Они не просили свергать президента, хотя многим из них он тоже не нравился, но своё “нет”, до которого оставалось меньше года, они бы сказали на законных выборах. Рабы, овощи, как их обзывали, до последнего не хотели войны. Однако “сознательные”, активные украинские “герои” решили иначе. Решили за всех.

Была какая-то чудовищная, с оскалом безумия издёвка в том, что новое, постевромайданное, правительство страны, вопившей со дна политической, культурной, социальной, экономической бездны, первым делом заявило о запрете русского языка и преследовании всего русского. Потом спохватились, конечно, но народ в Крыму уже разозлился по-настоящему.

Коктейлями Молотова, битами, пулями всем тем, кто жил в Украине, вдолбили обрекающую в своей безысходности догму: прав тот, кто готов отстаивать свою правоту любыми способами. Диалог стал невозможен. И уже никто не хотел слышать друг друга. Жуткая, вопиющая, гипертрофированная поляризация мнений, как ядовитый туман, повисла над Украиной. Люди ждали лишь того, что изначально хотели услышать. Без шанса на перемирие. Да, Крым терпел долго, но в итоге справедливо не выдержал. Связь с Историческим Отечеством и украинский абсурд сделали своё дело.

23 февраля 2014 года на полуострове всё изменилось. Севастополь стал пылающим очагом, витальным центром Крымской весны. На массовом тридцатитысячном митинге на площади Нахимова я видел новых севастопольцев: решительных, волевых, патриотичных, готовых действовать. Они вышли не только ради протеста против пикирующей экономики и унижительной диктатуры, но, прежде всего, ради самоидентификации. Вышли, дабы определиться: кто они, твари дрожащие или право имеющие. Право на жизнь. Право на

уважение. Право быть собой. Именно Севастополь стал сердцем Крымской весны, точкой сборки новой России, всей Русской цивилизации.

Для начала севастопольцы выбрали своего мэра. “Вы за Алексея Чалого?” – спросили людей на площади. И те ответили: “Да!” После отказались платить налоги Киеву, открыли счета для помощи городу. Начали организовывать отряды самообороны, ставить вокруг города блокпосты.

Сейчас много говорят – уже и памятники поставили – о “вежливых людях”, действовавших во время Крымской весны на полуострове. Называют ГРУ, к которому они относились. Но тогда, в феврале-марте 2014 года, простые люди об этом, конечно, ничего не знали. Более того, когда “вежливые люди” заняли симферопольский аэропорт, многие – и я хорошо помню это по реакции в обществе – подумали на украинских военных, решив, что всё – Крымская весна захлебнулась. Присутствие “вежливых людей” в крупных городах не ощущалось. Севастополь, Симферополь, Керчь и другие центры жили как раньше. “Вежливые люди” сосредоточились на ключевых объектах стратегического назначения, на периферии, где и развернулась главная и вместе с тем скрытая борьба. В том же Севастополе о революционных событиях горожанам напоминали лишь полсотни человек у госадминистрации да полевая кухня у Дома Москвы.

Но в медиапространстве сама собой развернулась настоящая бойня, очень быстро перекинувшаяся и на быт. Похоже, людей, сохранявших на улицах, в офисах нормальное состояние, дома, у компьютеров и телефонов, как берсеркеров, охватывала ярость, и они принимались нагонять страсти. Чем кровавее, чем братоубийственнее – тем лучше. Ежедневная игра в страшилки превратилась и в развлечение, и в оружие агитпропа.

Люди верили в войну. Люди хотели войны. Их готовили к этому десятки лет, убеждая, что русские и украинцы слишком разные, а главное – им есть, что делить. И в тлетворной среде, где иммунитет здравого смысла был сведён к нулю, Евромайдан стал тем вирусом, что превратил вялотекущую хроническую болезнь в острый, возможно, смертельный приступ. Инфицировав людей на центральной площади Киева, он разнёсся по городам и регионам, эхом отозвался в Крыму.

И в срывании украинских флагов с крымских государственных зданий, замене их на российские не было принципиального отличия от того, что происходило на Площади Независимости в Киеве месяцами ранее. Но не севастопольцы, не крымчане начали эту войну. За них это сделали, забыв об исторической справедливости, благодаря которой воссоединение Крыма с Россией обошлось без крови.

Хотя и она была, конечно. В Симферополе 26 февраля. Когда активисты Крымской весны столкнулись со сторонниками Евромайдана, главным образом татарами. Погибло, по разным данным, от 6 до 14 человек. Многим нанесли увечья. Тот бой крымские активисты, усиленные многочисленным десантом из Севастополя, проиграли. И, собственно, именно после этого Кремль решил, что на полуострове необходимо задействовать “вежливых людей”. Симферополь и особенно Феодосия не были столь однозначны в своём стремлении в Россию, как Севастополь или Керчь. Обойтись силами лишь местного ополчения там не удалось.

Отчасти потому новые крымские власти торопились с референдумом, переноса его с 25 мая на 30, а после на 16 марта. Потому что, как Евромайдан родил протест, так и Крымская весна – её напор, скорость, безальтернативность – плодила несогласных. Да, в девяностых написанное едва ли не на каждой стене “Крым – Россия” воспринималось как догма. Но со временем появилось новое поколение (не только возрастное, но и мировоззренческое), с одной стороны, не помнящее прежнего родства, воспитанное в дурноватых реалиях украинского агитпропа, а с другой, подходящее к вопросу практично: что даст нам Россия? Тем более что агитация перед референдумом выглядела топорно, безыскусно; делали её впопыхах. И, по сути, вся она свелась не к прелестям России даже, а к решительному “Нет бандеровцам”.

Меж тем, тогда – и об этом, конечно, не говорили – самые разные люди Крыма озвучивали весьма практические вопросы. И вызваны они были не украинским прошлым, которое навсегда отринули и вернуть его было невозможно, в том числе и для самой, приговорённой националистическим курсом Украины, но, прежде всего, российским будущим. За красивой историей маячили

суровые реалии. Насколько будут обеспечены вода, газ, электричество, учитывая зависимость от Украины? Кто будет платить зарплату, если центральные офисы находятся в Киеве? Что делать с банковскими вкладами? Кто приедет в туристический сезон? Каким будет транспортное сообщение? Не превратится ли Крым в отрезанный ломоть? Насколько велика угроза терроризма? Что делать с татарами, глава меджлиса которых попросил НАТО ввести войска?

Многие из тех, кто вопрошал подобное тогда, глядели в будущее мудро. И потому восприняли трудности стойко. Так или иначе, в марте 2014 года сомневающиеся, практичные реалисты всё равно были в меньшинстве, потому что всеобщая эйфория, как сияющий покров, накрыла полуостров. Русская мечта осияла крымчан. Это правда. И референдум 16 марта стал не только эпохальным событием, но и настоящим праздником.

Атмосферу того величия, того торжества забыть невозможно. Новая сила родилась в Крыму. Казалось, она поднималась из самых глубин Чёрного моря, спускалась с покрытых хвойным ковром гор, витала в заряженном ионами патриотизма воздухе, питая. Нечто новое – и в то же время давно жившее – пробудилось в людях. Я назвал это чувство Внутренним Крымом. Оно стало зерном, из которого проросло древо самоидентификации, позволившее не отпасть, не отпочковаться от России, несмотря на 23 года, прожитые в отдалении. Отряд прикрытия государства российского – вот кем были крымчане до 2014 года, но его весной они стали солью русской земли, её надеждой и спасением.

Потому многое тогда воспринималось как сказка. Сакральная русская сказка.

IV

Люди, работавшие 16 марта в избирательных комиссиях, рассказывали мне, что на некоторых севастопольских участках не было тех, кто голосовал против вступления в Россию. И они не знали, что с этим делать. Ведь оппоненты в такое единодушие не поверили бы. Хуже – завыли бы о фальсификациях. Меж тем, нашлись, и немало, те, кто на референдум вообще не ходил. Потому что были за Украину и думали, что всё предрешено. В общем-то, они не ошибались. О заявленных 96%, проголосовавших за воссоединение с Россией, конечно, всерьёз говорить не стоит, но то, что результат был на уровне 75%, это очевидно.

И, безусловно, в Крыму голосовали, зная итог. Из школ, организованных под избирательные участки, неслось цоевское: “Перемен, мы ждем перемен!” К 8 часам утра возле них уже змеились очереди. Казалось, все пенсионеры пришли на референдум. Как на свой последний решающий бой. С верой в чудо. С верой в Россию. 16 марта 2014 года стало для них днём новой битвы, днём освобождения, днём победы. Они вытерпели, дождались. И заслужили свою награду. Даже те, кто в последние годы не выходил за пределы квартиры.

Пожилые люди – одни из главных героев Крымской весны. Их заслуга в том, что Крым стал российским, колоссальна. Они, наши ветераны, в шутку называют себя “недобитыми”, но воли, духа у них хватит на десятерых. И в том, что они стали основной ударной силой крымских митингов и референдума, есть своя логика. Потому что ментально в Украине над ними издевались больше всего. А над победителями издеваться нельзя. Над теми, кто прошёл войну, голод, лагеря и блокады. Над поколением выкованных из стали с пылающими сердцами внутри. В решающий момент они, выражаясь терминологией писателей-баталистов, нанесли сокрушительный ответный удар. Впрочем, может, их потому столь усердно травили – боялись. 16 марта для них настал ещё один День победы.

“Никогда не было столь высокой явки. Ни на парламентских, ни на президентских выборах, – говорила мне пухленькая девушка, член избирательной комиссии. – А главное – настроение у людей отличное. Пришли, как на праздник”. Многие крымчане на участках действительно поздравляли друг друга с праздником. А после, не сворачивая, кидали бюллетени в урны. Чтобы все видели: крестик или галочка стоит в первом квадратике – за вступление в состав Российской Федерации. И эта праздничная, радостная атмосфера радугой победоносной надежды протянулась к эпохальной речи Владимира

Путина, задекларировавшей сакральность полуострова и включение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.

А дальше начались суровые будни, к которым многие оказались элементарно не готовы. Или не захотели быть готовыми. Крымскую радость заволокло проблемами, которых отчасти можно и нужно было избежать. Всё отчётливее люди начали понимать, что голосовали они за улучшенную версию Советского Союза (не случайно в народе гуляло воспоминание о хорошей жизни города-героя в советское время), за русскую культуру, за дом родной, а получили нечто сомнамбулическое, изуродованное прозападными реформами и олигархическими щипцами, скальпелями, исполозовавшими чудо-страну. Но понимание это нельзя было озвучивать, потому что любой критиковавший ситуацию в Крыму тут же записывался во враги Отечества, в предатели, у которых на лацкане пиджака засох укроп, а в перспективе предстояло общение с людьми, способными быстро и внятно объяснить, как и для чего родину любить надо. Пусть критиковавший хотел той самой справедливости, что, казалось, согласно русской хилиастической традиции, стала краеугольным камнем нового Крыма, новой России.

Певшие же сладкие оды, говорившие красивые слова приносили и полуострову, и России тот же вред, что и те, кто от мема “Крымнаш” морщился, точно вампир от крещенской купели. Создавая видимость всеобщего процветания, благоденствия, используя аргумент “зато нет войны” – в апреле дьявольской бойней полыхнул Донбасс – как заградительный щит против любых критических стрел, они выпестовали однозначность, вредившую поступательному развитию Крыма. С другой же стороны вовсю, точно беснуясь, злорадовывали “свидомые украинцы”.

Меж тем первые крымские трудности были логичны и ожидаемы. Тысячи беженцев, не согласных быть россиянами, уехали из Крыма. Земельный вопрос получил новый, ещё более беспринципный и беспощадный, виток. Застройка достигла катастрофических показателей. Европейские инвестиции прекратились. Иностранное суда отказались заходить в порты. Рухнула связь, банковская система. Люди, как в худшие времена, начали жить в очередях. Беспросветностью навалилась безработица. И всё это на фоне разговоров о новом прекрасном будущем, ясное дело.

Однако при всём этом негативе сами крымчане к данным тяготам по большей части оказались готовы. Мобилизовались, видимо, самой судьбой обречённые на стоический героизм. К тому же оперативные вопросы (вроде безопасности или связи) удалось решить быстро, достигнув приемлемого уровня.

Далее пришлось заняться вопросами системными, вопросами большего масштаба. И вот тут новый российский Крым забуксовал, став своего рода площадкой, где к прежним украинским бедам добавились новые, общероссийские.

Сквозь большие, добрые надежды Крым виделся площадкой, где, связанные новыми системообразующими смыслами, консолидируются, что называется, лучшие умы России, где та самая новая кровь вольёт недостающее звено в единый российский организм. И произойдёт синтез крымского и общероссийского. Прежде всего, в кадровом вопросе. Или, говоря метафизически, народится новый россиянин.

Однако, наоборот, именно кадровый вопрос стал наиболее болезненным на полуострове. И оскоминное оправдание, используемое крымскими властью имущими: “Мы расхлёбываем тяжёлое украинское наследие, выстраивая всё с нуля” – уже не работало. Те, кто руководит полуостровом, представляя его на самых разных уровнях, похоже, либо не понимают, либо не хотят понимать этого. Вся их риторика свелась к ура-патриотическим манифестам, переходящим в истерики, когда дискуссия затрагивает реальные, а не демагогические области. Там, где должен быть конструктив, где должны рождаться конкретные инициативы и совершаться фактические дела, многим властью имущим нечего сказать по сути, нечем крыть критику, звучащую всё активнее, нечем гордиться, и вот тогда они, согласно старой потрёпанной методичке, поднимают вой о “пятой колонне”, о вредителях, ренегатах, завербованных Украиной и мешающих процветанию российского Крыма.

Но в современном Крыму не Украина виновата в новой кощунственной застройке, наибольших в стране ценах, возросшей коррупции, публичной

грызне, обнищании населения, сокращении выплат бюджетникам, беспределе чиновников. Главная “пятая колонна” есть крохоборно-нечистоплотная часть крымской власти. Под патриотические настроения, под антиукраинские истерики они продолжают грабить и уничтожать Крым, занимаясь тем же: 90% чиновников после весны 2014 года не поменялись — раньше они служили Киеву. Они просто заменили портреты Януковича на портреты Путина, жовто-блакитные прапоры — на российские триколоры и продолжили лгать и растаскивать.

И когда глава Крыма Сергей Аксёнов, к которому крымчане в большинстве своём относятся с уважением, говорит о том, что поставленным задачам не соответствует половина, а может, и большая часть крымских чиновников, то он фактически признаёт бессилие нынешнего руководства полуострова. Бессилие, зачастую переходящее в глупость, компенсирующуюся, как известно, наглостью. И зачастую именно из этого произрастают многие крымские беды.

Власть старая. А вот проблематика новая, и она стала заметно многообразнее. Но лица на агитках — всё те же. Те, кто ещё недавно числился в статусе украинских депутатов, отщёлся от жёлтых и голубых цветов, густо намазавшись красной, белой и синей краской. Те, кто ещё недавно гнул на полуострове линию Киева, теперь стал преданным патриотом Москвы. Ни шагу без российского флага здравниц в адрес правителей (хором, хором!). Но все эти речи звучат нелепо на фоне реальных дел. Потому что у руля непрофессионалы, и оппонируют им другие непрофессионалы. Те, кто не вытягивал в спокойное время, тем более не справится сейчас, когда обстановка сгустилась. Стало труднее, острее, резче; иначе и не бывает в условиях блокады, войны. Ответственность нынче — тройная, и требования к тем, кто занимает руководящие должности, тоже.

Подчас нехватку кадров на полуострове стараются компенсировать людьми, присланными с “материка”. Иногда данная мера имеет успех, однако чаще назначенцы оказываются такими же непрофессионалами, как и местные, но до кучи ещё и не знающими крымской специфики. И это в свою очередь рождает новые системообразующие вопросы. Почему в Крым отправляют людей не просто с сомнительной репутацией, но уже очернивших себя? Тех, например, кто имеет в послужном списке судимости или обвинения. Что это — тотальная нехватка кадров в России? Или сознательное наполнение полуострова отработанным материалом?

Многие при этом просят с “материка” в Крым сами, полагая, видимо, — иногда небезосновательно — что здесь лежит новое российское Эльдorado, которое (ну, как без этого?) скорейшим образом надо освоить. В результате дело предприимчивых Остапов Бендеров цветёт.

Однако кадровый вопрос на полуострове не стоит упрощать, сводить лишь к чиновничьему — в лучших традициях Гоголя или Салтыкова-Щедрина — беспределу. К тому же это ведь не только крымская, но и общероссийская ситуация, где медведи на воеводстве, земляники в больницах и скалозубы в армии. Говоря же непосредственно о Крыме, нужно, как учил один не слишком успешный лидер, смотреть глубже.

Когда мы вспоминаем чудо, произошедшее на полуострове, то, безусловно, подразумеваем рождение новых смыслов, новых идей, устремление всей страны к энергетике больших целей, и та Русская мечта, что пробудилась на берегу Чёрного моря, несомненно, должна нести прежде всего созидание народу и государству. Однако возможно подобное лишь при появлении новых, свежих людей, которые интегрировали бы данные смыслы, идеи в реальную жизнь, во всех сферах — от политической до культурной. Нам нужны государственники, писатели, художники, бизнесмены из Крыма, ставшие бы успешными общероссийскими примерами, ролевыми моделями, образцами.

Но этого, к сожалению, не происходит. Крым подарил надежду новой России, но не воплотил её в реальных людях; Русская мечта не инспирировала их. И это, к сожалению, одна из главных проблем Крыма, от решения которой зависит будущее и полуострова, и, без сомнения, всей страны. Без героев обыденного времени Крымская весна не может считаться реализованной в полной мере. Те же герои, что появились тогда, в 2014 году, в новых реалиях либо не прошли испытания временем и масштабом, либо были сознательно оттеснены, либо ушли сами.

Однако нельзя, как то пытались делать, оправдать все крымские беды сугубо кадровыми вопросами. Или необходимостью окончательно погрузиться в общероссийский контекст. Потому что многие из проблем, которые испытывают крымчане, связаны как раз таки с федеральной повесткой. И речь идёт, прежде всего, о крахе в социальной сфере.

С возвращением в Россию крымчане надеялись на достойный уровень жизни учителей и медиков, чьё благосостояние, да и душевное, моральное состояние тоже, постсоветская действительность расплучила более всего. И поначалу казалось, что это действительно произошло. Врачи, педагоги начали получать достойную зарплату, главным образом – за счёт доплат и надбавок. Однако уже с января 2015 года они были сняты. Учителя и медики вновь оказались нищими. Более того, их вынудили к чудовищной бюрократической деятельности по заполнению сотен и тысяч бессмысленных справок и бумаг. В результате за чуть большие, чем он получал в Украине, деньги в России медик должен работать в 2-3 раза больше, тратя время не на спасение жизней, а на канцелярию.

И такое положение дел, катастрофическое, в медицине и образовании – общероссийская ситуация. Это следствие губительных для страны реформ. Полуостров тут стал лакмусом, свидетельствующим о совершенно бездарном и безраздном положении дел в данных сферах. Однако многие вновь, демагогируя, списали это на сугубо региональную специфику и предложили подтянуть Крым к ситуации по стране в целом. То есть, видимо, приговорить окончательно. Крым фактически продемонстрировал те недостатки, которые терзали Россию всё это время. Недостатки, свидетельствующие: “В этой гавани что-то не так. Она нуждается в инвентаризации, реставрации, модернизации (список –ций можно продолжить)”. Во многом Крым сегодня – та призма, сквозь которую можно рассматривать многие беды России, познающиеся, что называется в сравнении. И к социальным вопросам очень скоро добавятся новые беды – миграционные, например.

При этом существовать люди Крыма, где подчас уже кощунственно выглядит разделение на очень богатых, бедных и нищих, вынуждены в условиях самых больших в России цен. Без какого-либо внятного объяснения тому беспределу, что творится с ценами на полуострове. И дело тут не только в логистике, о которой столько сказано, а в той порочной, коррупционной системе, что действует на полуострове. Местные производители же, мелкие и чуть крупнее, давятся и уничтожаются крупными игроками с “материка”, устанавливающими свои правила. И главный беспредел, конечно, развёрнут в ценовой политике на жильё, всё больше напоминающей московскую. Такой ценовой подход для региона, пребывавшего в стагнации двадцать три года, это очень серьёзный, если не нокаутирующий удар, который всё труднее скрывать за несомненно благодатным и важным возвращением домой.

Безусловно, необходимо говорить и о том, что происходит в Крыму в последнее время в культурной сфере. Ведь именно благодаря русской культуре – русской, в самом широком понимании данного определения – и произошло возвращение полуострова на Родину. Севастопольцы, крымчане, несмотря на все навязчивые и зачастую подлые попытки привития ложной истории, ложных ценностей, всё это неисправное время оставались с Россией, в её ментальном, культурном поле. Причём оставались не благодарю, а вопреки.

Однако по-прежнему уничтожена “Ясная Поляна” в Гаспре. Свеж и до сих пор тлеет костёр скандала в Херсонесе. Литературный Коктебель превращён в зланный рассадник. Рушатся Митридат, крепости в Судаке и Балаклаве. Бардак и самодурство царят в музее Чехова. Этот проблемный список можно продолжать бесконечно. Места, имеющие колоссальное историческое значение, многие из которых неразрывно связаны с выдающимися русскими мыслителями, продолжают оскверняться и уничтожаться. И происходит это мракобесие уже на Родине, куда крымчане устремились, прежде всего чувствуя ментальное, социокультурное и метафизическое единство. Устремились оттуда, где долгое время не слишком трепетно относились к их истории, языку, культуре, где Политика Памяти велась в одностороннем порядке, а вещественные проявления этой Памяти уничтожались.

Собственно, пожалуй, именно беспредел в культурной сфере Крыма и демонстрирует то, что полнота возвращения на Родину не достигнута, что есть

и должны быть исправлены многие недостатки. Потому что культура в государстве первична, а в крымской истории уж так точно. Крым – это, без преувеличения, сокровищница русского искусства. И здесь необходимо произвести тщательнейшую ревизию культурного наследия – ревизию сакрального. Беспредел на данной исторически важной земле должен пресекаться самым категорическим образом, а ключевые объекты, эти места силы, облагорожены и восстановлены. Последние указания Президента и премьер-министра свидетельствуют, что созидательные шаги в данном вопросе сделаны. Дай Бог, чтобы мы не повторяли слова, сказанные Александром Пушкиным о полуострове ещё двести лет назад: “Страна важная, но запущенная”.

V

Наиболее проблематичным, огненным – во всяком случае, в публичной сфере – и, безусловно, ключевым стал конфликт, разыгравшийся в Севастополе, из городского, регионального быстро переросший в федеральный. Город, ставший центром Крымской весны, точкой сборки новой России, превратился в точку разборки, генерирующую в общероссийское пространство отрицательные поводы. Красивая история о воссоединении осталась в прошлом, а на её место пришли дрязги и тяжбы, сотрясшие засечный камень и форпост Русской цивилизации. Если Крым, несмотря на разнородность, массу проблем и обилие скандалов, попытался позиционировать себя единым пространством, то Севастополь предстал зоной мощнейшей внутривнутриполитической борьбы, вышедшей – а точнее сознательно выведенной – сугубо за местные рамки.

Первоначальной причиной тому называли конфликт губернатора Севастополя, вице-адмирала Сергея Меняйло и Председателя Законодательного Собрания, “народного мэра” Алексея Чалого. Искры из скандальной топки летели такие, что подожгли весь город. Хотя ещё недавно казалось, что авторитет Алексея Чалого, заставившего многих – наверное, впервые за последние двадцать лет – поверить в городскую власть, был действительно непрекращаем, и думалось, что у Севастополя появился свой, “народный” мэр, потомственный севастополец. Однако Алексей Михайлович решил отчалить. И, возможно, не будь этого решения – его решения, как он сам признал, – новая севастопольская история не оказалась бы столь терниста. Но тогда, в решающий момент, Чалый, понимая всю степень ответственности, весь спектр проблем, которые неизбежно бы ударили по его рейтингу, предпочёл стать “серым кардиналом”. Будучи не системным человеком, не политиком, но блестящим генератором идей, проектов, он захотел оставаться главным, но не нести при этом публичной ответственности. Не получилось. Во многом из-за того, что Меняйло не захотел быть “ручным” губернатором.

Сначала оппонентов мирила Москва, а после не смогла уже и она. Хотя в декабре прошлого года Чалый ушёл со всех должностей, а летом этого года был отправлен из Севастополя на повышение в Сибирь Сергей Меняйло (тем самым у городской оппозиции был выбит главный козырь – критика власти). Однако уход главных действующих лиц конфликта не затушил его. Он разгорелся с новой силой, подчас бурля ещё яростнее, чем прежде. И Дмитрий Овсянников, назначенный временно исполняющим обязанности губернатора, не только не стабилизировал ситуацию, но и сам оказался в центре противоречий. Хуже, пламя перекинулось на весь Крым.

В первую очередь потому, что данный системный конфликт изначально был не только противоборством конкретных личностей, персоналий, но явился противостоянием – и противостоянием куда более серьёзным, бескомпромиссным – концепций, мировоззрений, подходов, а главное, групп влияния. Причём, групп влияния не только на городском уровне, но и на федеральном. За Севастополь развернулась настоящая битва, а вместе с ней и битва за всю Россию. Ту Россию, о которой Президент заявил в своей Мюнхенской речи.

Собственно, данный конфликт во многом и предопределил то, что новый российский Севастополь вместо планомерного развития двигался, если двигался, вперёд рывками, через усилия. Советское наследие, где органично сочеталось и военное направление, и промышленное, и научное, и интеллек-

туальное, не реставрировалось, не модернизировалось, а местами, наоборот, чахло.

В Севастополь, как в боевое место, сегодня бьют намеренно, через него раскачивая ситуацию во всей стране, и в итоге нацеливая удар на Президента. Оттого к местной вечно бурлящей революционной массе добавились проходимцы разных мастей, от либеральных деятелей до “общественников”, что со времён Украины, как политические сомы, рыскают в мутной воде в поисках падали. К местным же силам прилипли и федеральные — из тех, которые обычно принято маркировать либеральными (не в подлинном смысле данного понятия, а в контексте новой неолиберальной диктатуры). Проще говоря, Севастополь стал инструментом в заскорюзлой политической игре. И на него станут давить ещё больше! Ведь отвоевать город-герой значит отвоевать символ, забрать себе очень важное, во всех смыслах знаковое место. А поводы для недовольства всегда найдутся.

Потому столь важно понимать и модерировать глубинную — психологическую, историософскую — подоплёку вхождения Севастополя в единое поле России. Если Крым ментально всегда оставался островом, государством в государстве (*status in statu*) — самоидентификация “мы крымчане” здесь доминантна, то Севастополь вообще представлял “островом в острове” — “Мы севастопольцы”. Тому способствовали как очевидные предпосылки — закрытый город, подчинение центру (Москве, Киеву, Москве), мощная военноморская база, ключевой форпост, героическая история — так и факторы глубинные: крещение Владимира, распространение трудов Кирилла и Мефодия, языческие святыни, инспирация Толстого и Пушкина как двух столпов русской литературы, засечный камень. Но беда заключается в том, что между тем превеликим и славным прошлым и обыденным настоящим, куда более скудным, неприязнательным, наличествуют убийственные разрывы, которые существенным образом отражаются на ментальности севастопольцев, порождая в их сознании определённого рода диссонанс. Удивительно и вместе с тем логично, но город, ставший засечным камнем Русской цивилизации и, по сути, сам являющийся городом-цивилизацией, давно уже не плодоносит, не живородит; земля эта не даёт новых смыслов, новых героев.

Но так было до Крымской весны. После марта 2014 года, казалось, всё переменялось. И город-герой вновь сказал решающее, поворотное слово в русской истории. Данный посыл, коррелируя с источающим свет прошлым, породил новую волну избранничества, уникальности в сознании севастопольцев. Прежде всего, среди их передового отряда, посчитавшего себя кем-то вроде мессий, пришедших спасти грешную Россию, решившего на базе одного города построить свой новый дивный мир, Град образцовый.

И в этом, безусловно, есть своя сила, своя правда. Более того — своя необходимость. Потому что тьмы в Российской Федерации, действительно, хватает, даже если смотреть через гламурного цвета очки. И рассеять её, хотя бы на локальном уровне, давно пора. Севастополь тут может дать положительный, деятельный пример. Он может стать островом, где установится правда и свершится та самая русская справедливость, к которой апеллировал Президент. Собственно, такова новая историческая роль Севастополя — принести ключевые смыслы в Россию, став для её сердца инъекцией патриотического адреналина.

Однако в этом же есть и своя отрицательная прелесть, разрушительная опасность. Особенно если учесть, что на новых лидеров и героев Севастополь и Крым, как выяснилось, оказались не столь щедры. Западная чистка и социально-экономические факторы проредили эту важную землю. Привнесение новых смыслов невозможно в одностороннем порядке, в отрыве от остального мира. Тем более от ближайшего мира, от своего государства. Потому что Россия — страна мультикультурная, мультинациональная. Она тканый ковёр, где перетягивания лоскутов разорвут всё полотно. И если вдруг каждый не только ощутит свою особенность, что, конечно, неплохо, но и превратит её в обособленность, в разрушительное избранничество, тогда это приведёт к негативным последствиям. Уникальность, талант без созидательного упорядочивающего начала в конечном счёте выпестуют гордыню и приведут к бунту, плодами которого воспользуются мерзавцы, чтобы делить, дробить, разрывать остатки.

VI

В истории бескровного воссоединения Севастополя и Крыма с Россией необходимо рассмотреть и ещё один, ключевой, элемент: как сама Россия отреагировала на данное событие. Оказалась ли готова к нему? В должной ли мере оценила и приняла? Получила ли то, что ожидала? Вдохновилась ли, стала сильнее?

Официальная версия гласит, что все россияне единодушно, радостно и вдохновенно поддержали возвращение Крыма в состав Российской Федерации. А не поддержали его лишь те, кто, по обыкновению, занимал антигосударственную позицию, а также калачные и убогие. Я, конечно, утрирую, но лишь отчасти.

Потому что для большинства россиян – или, правильнее говорить, русских людей – возвращение Крыма действительно стало колоссальным событием, надеждой и озарением. Недостающий элемент встал в многообразную российскую мозаику. Так в книгах и фильмах, необходимо отыскать бесценный артефакт, как правило имеющий особую символическую историю, чтобы с ним заработала уже вся система, чтобы получить могучую силу, чтобы спастись. Крым, несомненно, стал таким артефактом. Более того, он, пожалуй, стал главным – и на государственном, и на личностном уровне тоже – связующим страну и идентифицирующим каждого гражданина фактором. Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты. В известном “Крым наш”, безусловно, оказалась скрыта не только радость от обретения сокровища, но и торжество, пиршество духа каждого русского человека, в последние десятилетия замученного, онасекомизированного до примитивных инстинктов и желаний, регламентированных жидкой наличностью в кошельке. С возвращением Крыма у многих россиян вновь появилась вера в Отечество и в самих себя. Внутренний Крым воскресил Внутреннюю Россию.

Казалось, само Отечество впервые в новейшей, постсоветской, истории обратилось к людям. Вспомнило о них. И народ откликнулся. Оттого радугой промелькнула надежда на то, что там, на верхах, наконец-таки зародилось драгоценное понимание: главное богатство, сокровище России – не нефть и не газ, а люди, русские – в ментальном значении слова – люди. Те, кто был истерзан, исполосован феноменальным по своему бесстыдству и алчности распилом обглоданной, осквернённой державы. Возвращением Крыма был дан конкретный ответ на главный вопрос неисправных девяностых: “А где твоя Родина, сынок?” Русские своих не бросили. Вместе с Крымом люди обрели Родину. Крымское чудо трансформировало сознание миллионов, растопило лёд чувств, рассеяло осоловелость мыслей, вдохнуло жизнь и объединило атомизированное общество.

Или нам лишь показалось? Насколько глубоким, внятным было, если было, понимание масштаба коренных перемен, затронувших российское мироустройство после Крыма? Ведь со временем из толщи мутной российской многострадальности выплыло слишком много обломков, угрожающих пронзить крымский линкор, а вместе с ним и всю Россию. Когда эйфория спала и оказалось, что за сказку о воссоединении надо платить, что потерпеть придётся, возможно, даже мучительно и долго. Крымскую историю перевели на сугубо материалистические рельсы. Свет потух, и из тьмы вновь показались слугители Мамоны.

Авторитеты из власть имущих заявили, что мартовское решение по включению Крыма в состав Российской Федерации стало серьёзной, если не роковой ошибкой. И быстро подсчитали убытки от данного шага – 150–200 миллиардов долларов только на ближайшие 4 года. К власти – той её части, что всегда не разменивалась на Родину и народ – добавились орды гуманистов и моралистов, усиливших поднятый ранее вой о бессовестности и аморальности “крымской аннексии”. Со многими же, что называется, простыми людьми, теми, кто ещё недавно столь бурно радовался воссоединению, управиться оказалось ещё легче и от того печальнее – на них в очередной раз надавили бытовыми тяготами. Внешние санкции вкупе с архетипическим разгильдяйством ухудшили жизнь в России. Народу стало труднее жить. В который раз. Объяснение тому, конечно, подбросили сразу, его в принципе готовили загодя: не было бы аннексии, жили бы вы сейчас терпимо, как раньше, но, простите,

страна сделала выбор, так что – извиняйте, а лучше делайте выводы собственно о стране и о том, нужен ли был вам этот злосчастный Крым.

Рискованной в своей вариативности для спекуляций оказалась уже сама формулировка, изначально подкинута сверху: “Россия спасла Крым”. В том числе и из-за неё в случае угроз выходило так, будто родители усыновили ребёнка, не оценив своих сил и возможностей, не оценив последствий, а теперь мучаются, не в силах отдать дитё назад. Разговоры “мы вас спасли” ожидаемо перешли в плоскость “вы нам должны”. Одно из главных достижений внешней политики России в её постсоветской истории постарались назвать ошибкой и даже провалом.

Полуостров представили заржавевшей воронкой, куда Кремль вбухивал гигантские средства, отрывая их, ясное дело, от других российских регионов. Так, что впору было кричать: “Хватит кормить Крым!” Вместе с этим устойчиво прививался и другой миф, будто крымчане – это такие недороссияне, коллаборационисты, которые пришли туда, где посытнее, и при этом имеют наглость жаловаться, хотя на деле они, кланяясь, благодарить должны. Тут достаточно вспомнить молчание федеральных СМИ относительно проблем Крыма во время блокад. В этом было что-то совершенно дикое, то, что казалось если не сметено, то хотя бы подрихтовано чудом воссоединения: сначала голосить об опросе “Дождя” о Ленинградской блокаде, а после не замечать блокады Крыма.

Но только ли украинской была эта блокада? Только ли Запад терзал Крым сдерживающими мерами и санкциями? Ведь крупнейшие российские банки в Крым идти побоялись. Здесь нет и общероссийской сети заправок. Нет даже салонов сотовой связи, а сим-карты, которые ходят на полуострове, белые, чистые, без каких-либо опознавательных знаков. Всё это, как и многое другое, подобное, весьма симптоматично. Коммерческие интересы для крупных российских игроков как всегда оказались важнее всего. Для них Крым – всё ещё не Россия. И, возможно, ей он никогда и не будет. Более того, возможно, что и России для них не существует. Для них она лишь поле, которое, обогащаясь, вычистить, выкачать до критического предела нужно. Да, в век Мамоны новые герои и смыслы проступают с особенной чёткостью.

И такое положение дел наверху – одновременно директива и сигнал для тех, кто стоит ниже в иерархической лестнице, для дельцов и челяди самых разных мастей. Когда не только западные, но и российские (краснодарские, ростовские, московские и другие) фирмы и предприятия, часто – и это одно из объяснений – являющиеся либо филиалами иностранных компаний, либо зависящие от них, отказываются работать с Крымом. То же – и с частными лицами. Оттого ситуация всё больше напоминает трагикомедию, когда приходится объяснять, для чего России нужен Крым, объяснять, отбрасывая громкие словеса о метафизике и оперируя сугубо социально-экономическими понятиями.

Но реальная проблема, как в той зацитированной повести, действительно лежит в душах и головах некоторых россиян. Для них Крым в принципе – чужой. Как чужая для них – и вся Россия, где им, бедненьким, пришлось жить, а потому только доить и доить основательно. Чужим является для них и любое проявление воли, индивидуальности, русскости, потому что они привыкли видеть и трогать лишь то, что приносит моментальные дивиденды, приближая к успеху. По сути, расширяя контекст, в крымской истории сошлись две идеи, две идеологии, две концепции, две цивилизации и, главное, две мечты – Американская (American dream) и Русская.

“Dream” – меж тем в переводе не только мечта, но и сновидение, комфортное, приятное, но осоловелое в своей сытости. Русская же мечта, наоборот, ясна, осознанна и должна приносить понимание того, ради чего ты здесь, на этой земле, рядом с этими людьми, и почему в жилах твоих течёт русская кровь не как идентификатор национальности, но как социокультурный код, объединяющий совершенно разных людей.

Американская мечта индивидуальна: она во многом сказка о новой земле, о новом свете, примкни к которому – и достигнешь личного счастья. Для себя и для тех, кого в узкий круг свой включишь. Русская же мечта всегда соборна; жидущаяся на идее спасения для себя и для других, она не может существовать в отрыве от родной земли, но новые или новые-старые, как в случае с Крымом, земли приходят к ней. Русская мечта собирательна и по

своей идее, и по образу действия. Не только в плане физических, но и метафизических пространств тоже. Она не может заключаться в возвеличивании себя за счёт других, в возвышении через запелляционную силу. Не мы, русские, лучшие, но с нами становишься лучше. Именно это чудо соборности, собирания, бескровного воссоединения и произошло с возвращённым полуостровом.

Крым сегодня – это шанс и возможность. Крым – это русский ответ всему тому мракобесию, что смущало, оплёвывало, терзало Россию все эти годы. Это огненный глас двух миллионов людей, преобразивших, согласно русской традиции, реальность мечтой. И в то же время Крым есть индикатор подлинной русскости человека. Он есть ответ на вопрос: “Кто ты на самом деле?” Человек, у которого на паспорте – двуглавый орёл, а в быту – возможность дойти Россию, или носитель русского кода, русской культуры, часть великой державы.

На этот вопрос надо ответить и крымчанам, и россиянам на “материке”. Ведь русский крест – это раскаяние, искупление и спасение. И проблемы интеграции Севастополя и Крыма в Россию, трудности их полного глубинного принятия – это свидетельство раскола, разброда внутри самой страны. Оттого мост в Крым нужен не только физический, но и психологический, тот мост, по которому пройдут магистраль обмена созидательными идеями, смыслами. В Крыму должны сосредоточиться мощные инициативы в области русской словесности, искусства, должна декларироваться и развиваться подлинная история нашего Отечества, и через это историко-культурное сосредоточение и обязательное взаимодействие с “материковой” Россией, с принятием её лучших людей и идей, “важная, но запущенная” земля, принесла новые смыслы, должна окончательно укрепиться в российском и международном пространстве как точка сборки Русской цивилизации.

Иначе и Крым, и Россия могут стать изолированными островами, а в россиянах может умереть, подчас и не родившись, Внутренний Крым, а вместе с ним и Внутренняя Россия. А на их месте останется лишь чёрная отметина наподобие той, что образуется при злокачественном заболевании. Она станет и напоминанием, и диагнозом, и предвестием катастрофы. Так быть не должно. Россия отыскала лекарство, и оно не может, не должно превратиться в разрушительный яд.

VII

Важно сказать ещё и вот о чём. Помимо прочего, бесценного, события февраля-марта 2014 года начали в том числе и серьёзную дискуссию о новой опоре России. После воссоединения Крыма с Россией поиск её интенсифицировался. И здесь, конечно, нельзя опереться на так называемых либералов, открыто заявляющих о своей нетерпимости не только к государству, но и подчас ко всему народу. Да, при случае, в час X, за нужную сумму они готовы будут окончательно несогласных туда, куда захочет того действующая власть. Так уже было. Однако это не долгосрочная, не фундаментальная перспектива.

Казалось бы, в таком случае остаются только их оппоненты – патриоты. Но, как просканировал Крым, и с ними есть серьёзные проблемы. Патриотизм в России необходимо объяснить и даже, что, в общем-то, совершенно дико, оправдывать. На него приходится завоёвывать право, как и на любовь к Родине в целом. Хуже того, “патриот” всё больше воспринимается российским обществом в связке с негативными коннотациями, зачастую в юродствующем ключе, а “любовь к Родине” отдаёт неудобоваримой архаикой, вызывая ёрничанье и ухмылки. Любить Родину становится зазорно и чревато. Да и само “качество” патриотов, что называется, вызывает серьёзные нарекания.

Не случайно столь оскоминно много твердят о “профессиональных патриотах”, людях расчётливых, предприимчивых, знающих, когда и где за Родину покричать нужно. Во многом из-за таких дельцов, превращающих чувство глубинное в предмет торга, в России сегодня и происходила дискредитация патриотической идеи. Она как зримаая, овеществлённая компонента Русской мечты страдает и разрушается от примеси материалистической составляющей. Этот кризис незамутнённости чистоты помыслов, чистоты идей после Крыма проступил особенно ясно.

Меж тем, Крым, пробуждённый Русской мечтой, когда и мы, и страна наконец-то помыслили друг о друге и о себе сами, указал на третью силу. На людей, продемонстрировавших, что значит по-настоящему, вопреки многому, любить Родину. Людей, находившихся в отдалении, потерявших Отчизну за 24 часа, но явивших, несмотря ни на что, подлинное национальное самосознание и колоссальное духовное терпение. Терпение, благодаря которому русский народ во все времена справлялся с многочисленными лишениями, болезнями, испытаниями, обрушивавшимися на него. Совесть научила, побудила этих людей забыть о сугубо личном, обособленном, мелком и стать деятельной частью высшей идеи. И в жизненной конституции этих людей, этих новых героев, безусловно, лежал идеализм. Благодаря ему они смогли преобразить реальность через мечту, совершив исконно русское, неопишное – Подвиг.

Идеалы есть та побудительная сила, что задаёт вектор движения не только в материальном, но и в духовном мире, обрекая на героизм. И третья сила, явленная воссоединением Крыма с Россией, не могла состояться без воли к идеализму. Собственно, новая опора страны должна концентрироваться как раз-таки вокруг этой воли. Без интеграции данной третьей силы в общероссийское поле крымское чудо может захлебнуться.

Русская мечта как побудительная сила, как идеал новой России приоткрылась нам. И пора всерьёз ответить на ключевой вопрос: готовы ли мы идти к ней, вместе с ней дальше, в ещё более переломное, неисправное или, если использовать эсхатологический контекст, судное время, когда ложные идола либо падут в реку забвения, либо окончательно вознесутся на площадях. Время новых свершений, новых побед стучится в наши сердца и призывает к ответу, требуя решительности, искренности, воли к идеализму, требуя соответствовать нашей великой истории, продолженной и в то же время начатой чудом бескровного воссоединения Крыма с Россией.